

ные функции, то это лишь как определенный результат исторического развития молдавского языка. А вообще полные инфинитивные формы, как и корневая часть глагола, целиком перешли в грамматическую категорию существительных как с грамматической, так и с лексико-семантической точки зрения.

Противопоставление существительного и наречия, когда идет речь о взаимопереходе этих частей речи, заключается в неизменяемости наречия и способности существительного изменяться по падежам, числам и родам. Если в составе наречия имеется застывшее падежное окончание (флексия), то оно уже не выражает различных отношений между данным словом и другими словами в предложении, а входит в состав основы адвербиализованного слова.

Конверсия в восточнороманских языках — весьма сложное явление. Она должна быть изучена также и со стороны ее исторического происхождения и развития. Такое широкое историческое исследование даст, несомненно, свои результаты как для изучения специфики романских языков, так и для выяснения некоторых вопросов общего языкознания.

Н. Г. Корлякову

ПРЕДИКАТИВНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ В НАНАЙСКОМ И ДРУГИХ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

Во всех тунгусо-маньчжурских языках имеется особая предикативно-притяжательная форма имен, при помощи которой может быть выражен признак предмета по его принадлежности другому предмету. Образуется эта форма суффиксальным путем от существительных, чаще всего — от названий людей, животных, человеческих коллективов, организаций, учреждений, населенных пунктов. При помощи тех же формантов образуется имеющая аналогичное грамматическое значение форма от личных и возвратных, а также замещающих их вопросительных местоимений. Для всех языков этой группы обе подлежащие рассмотрению формы имеют, несомненно, общее происхождение, но несколько варьируются в употреблении, причем вариации эти, как правило, не выходят за пределы вполне допустимых различий внутри одной грамматической категории.

Одни из специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам считают эти формы словообразовательными, образующими от имен существительных притяжательные прилагательные, а от местоимений — самостоятельные притяжательные местоимения, другие же рассматривают их как словоизменительные формы имен существительных и местоимений. Одна из задач настоящей статьи — показать предпочтительность второй точки зрения¹.

Предикативно-притяжательная форма в нанайском языке регулярно образуется от существительных и местоимений предметного значения путем присоединения к ним суффикса *-нги*.

У имен существительных суффикс *-нги* обычно присоединяется к основе, материально совпадающей с формой именительного падежа (а также беспадежной формой) единственного числа, например: *найнги* «человечий, человека (принадлежит человеку), чужой», *маманги* «старухин, старухи (принадлежит старухе)», *Петинги* «Петин, Пети (принадлежит Пете)», *унданги* «собачий, собаки (принадлежит собаке)», *солонги* «лисий, лисы (принадлежит лисе)», *колхозанги* «колхозный, колхоза (принадлежит кол-

¹ Материал по интересующему нас вопросу имеется в следующих опубликованных работах: В. Г. Богораз, Материалы по ламутскому языку, «Тунгусский сборник», I, Л., 1931; А. Ф. Бойцова, Категория лица в эвенкийском языке, М.—Л., 1940; И. Захаров, Грамматика маньчжурского языка, СПб., 1879; О. А. Константинова и Е. П. Лебедева, Эвенкийский язык, Л., 1953; W. Kotwicz, Les pronoms dans les langues altaïques, Kraków, 1936; P. G. Möllendorff, A Manchu Grammar, Shanghai, 1892; К. М. Мильников и В. И. Цинциус, Материалы по исследованию негидальского языка, «Тунгусский сборник», I, Л., 1931; Т. И. Петрова, Очерк грамматики нанайского языка, Л., 1941; Т. И. Петрова, Ульчский диалект нанайского языка, Л., 1936; G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, II — Formenlehre, Helsinki, 1952; О. П. Суник, О поссесивных аффиксах и родительном падеже в тунгусо-маньчжурских языках, сб. «Язык и мышление», XI, Л., 1948; В. И. Цинциус, Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка, Л., 1947; В. И. Цинциус, Очерк морфологии орочского языка, «Ученые записки ЛГУ», Серия востоковедческих наук, I, 1949; Е. Р. Шнейдер, Краткий удэиско-русский словарь, Л., 1936.

хозу)», *школанги* «школьный, школы (принадлежит школе)», *Буринги* «Хабаровский, Хабаровская (принадлежит Хабаровску)».

Если обладателями оказываются несколько одноименных предметов, то предикативно-притяжательная форма может быть образована от формы множественного числа существительного, обычным показателем которой служит суффикс *-сал/-сал*, например: *найсалнги* «людской (принадлежит людям)», *никтэсалнги* «детский (принадлежит детям)», *мапасалнги* «медвежий (принадлежит медведям)», *артельсалнги* «артельный (принадлежит артелям)».

У личных и заменяющих их вопросительных местоимений суффикс *-нги* присоединяется к неизменяемым (прямым) основам, материально совпадающим с формой именительного падежа (а также с беспадежной формой), а у возвратного местоимения — к изменяемой основе в ее наиболее сокращенном варианте *мэ-*. У личных местоимений 3-го лица единственного и множественного числа и у возвратных местоимений суффикс *-нги* располагается между корнем и утратившими свой первоначальный смысл, омертвевшими притяжательными суффиксами. Привожу предикативно-притяжательные формы местоимений: *минги* «мой (принадлежит мне)», *синги* «твой (принадлежит тебе)», *нэангини* «его, её (принадлежит ему, ей)», *буэнги* «наш (принадлежит нам)», *суэнги* «ваш (принадлежит вам)», *нэангини* «их (принадлежит им)», *мэнги* «свой (принадлежит одному субъекту действия)», *мэнгиэри* «свой (принадлежит нескольким субъектам одного действия)», *уйнги* «чей (кому принадлежит)?», *хайнги* «чей (чему принадлежит)?».

Основной и, повидимому, исторически исходной для нанайского языка синтаксической функцией предикативно-притяжательной формы является выражение сказуемого, в котором указывается на принадлежность предмета, обозначенного подлежащим. В этом случае слово в предикативно-притяжательной форме, как всякое вообще сказуемое, помещается после подлежащего (чаще всего — в самом конце предложения) и, как всякое именное сказуемое, берется в именительном падеже. Например: *Мэдин кирадоани илиси дэ* — Семенеи, буквально: «У края обрыва стоящий дом — Семенов (Семена, принадлежит Семену)»; *Бунду заводасал, фабрикасал гэрэн найсалнги очичи*, буквально: «У нас заводы и фабрики всех людей (общенародные) стали»; *Тэй огда сингину, аба-ну?* буквально: «Та лодка твоя ли, нет ли?»; *Эй дангса — уйнги?*, буквально: «Эта книга чья (кому принадлежит)?». Исключением из этого правила является лишь предикативно-притяжательная форма возвратного местоимения, которая сказуемого выражать не может из-за особенностей своего корневого значения.

Кроме того, всякая предикативно-притяжательная форма, не исключая и образованных от возвратного местоимения, может употребляться в роли обособленного определения, помещаясь при этом, как всякое обособленное определение, после определяемого и согласуясь с последним в падеже¹. Например: *Колхозникасал тэй усимбэ, школангива, эмун ини долани алдыламари ходихачи* «Колхозники тот огород, школьный (тот, что принадлежит школе), в течение одного дня пахать закончили»; *Эй дангсава, мингивэ, минду бугуру* «Эту книгу, мою (ту, что принадлежит мне), мне отдай»; *Нэани тэй дэгду, мэнидун, эси бими осисини* «Он в том доме, своем (в том, что принадлежит ему, самому), теперь жить не хочет».

Наконец, всякая предикативно-притяжательная форма может употребляться заместительно, обозначая одновременно и принадлежность предмета, и сам принадлежащий предмет. Это бывает в тех случаях, когда название принадлежащего предмета оказывается известным из предшествующей речи или из ситуации, и его новое прямое упоминание нежелательно по стилистическим соображениям. Например: *Эй миочан — минги. Борисангива-тани уй-ну, уй-ну даяпахани* «Это ружье мое. А Борисово (то, что принадлежит Борису) кто-то взял»; *Мана агохамби дэгду бису, мингиду биуриэ-дэ эди мурчирэ*, буквально: «В построенном собой доме живи, в моем (в том, что принадлежит мне) жить и не думай»; *Ми дихагива мэнигичири нонгису* «Мои деньги к своим (к тем, что принадлежат себе, т. е. нам) прибавьте».

В последних двух случаях форма *на-нги* не играет роли сказуемого, но некоторый оттенок предикативного значения у нее имеется и здесь.

Важно отметить, что предикативно-притяжательная форма существительного может иметь при себе те определения, которые вообще могут быть отнесены к имени существительному: *Си ичайси дэ — эй сагди мапанги*, буквально: «Дом, который ты видишь, этого старого старика (принадлежит этому старому старику)»; *Эй еру — аоданду балди солисалнги* «Эта нора — на лугу живущих лисец (принадлежит луговому лисцам)»; *Эй тоуду би огда — чисэиэ дичин илан найсалнги* «Эта на берегу (у берега) находящаяся лодка — вчера прибывших трех людей (принадлежит трем прибывшим вчера людям)».

Предикативно-притяжательная форма ни в коем случае не может употребляться в роли прямого (необособленного) определения. По-нанайски нельзя сказать в значении

¹ Необособленные же определения в нанайском языке могут стоять только перед определяемым, причем с последним не согласуются.

«колхозный невод» *колхозанги адоли*, в значении «наша лошадь» *буэнги морин* и т. п. Прямые определения по принадлежности выражаются не предикативно-притяжательной, а беспадежной формой существительного и местоимения, материально тождественной основе и в то же время форме именительного падежа. Такая беспадежная форма употребляется в роли первого члена (определения по принадлежности) притяжательного словосочетания, при обязательном условии, что второй член притяжательного словосочетания (определяемое по принадлежности) имеет притяжательную форму — лично-притяжательную или возвратно-притяжательную¹, например: *колхоз адолини* «колхозный невод, невод колхоза», *Петя дангсани* «Петина книга», *соли еруни* «лисыя нора, нора лисы», *буэ моримпу* «наша лошадь», *си оедаси* «твоя лодка», *манэ апомби* «своео шапку», *уй дэнги* «чей дом», *хай кумтэни* «чего (от чего) крышка».

Вместе с тем беспадежная форма не может выражать сказуемого, обозначающего признак по принадлежности, и обособленного определения и не может употребляться заместительно, потому что материально тождественная форма (именительный падеж) существительного и местоимения, находясь вне притяжательного словосочетания или являясь вторым его членом, за единичными исключениями, имеет значение предмета как самостоятельной субстанции, а не признака.

Если бы мы попытались употребить беспадежную форму существительного или местоимения в роли сказуемого, обособленного определения или заместительно, то она неизбежно вышла бы из состава притяжательного словосочетания, а потому перестала бы быть беспадежной и обозначать признак. Она стала бы формой того или иного (в частности, именительного) падежа, обозначающей независимый предмет. Например, если бы мы решили перестроить предложение *Ми боатонго миочамбани дяпахамби* «Я охотника ружье (ружье охотника; ружье, принадлежащее охотнику) взял» таким образом, чтобы наименование признака ружья оказалось сказуемым («Ружье, которое я взял, принадлежит охотнику»), или обособленным определением («Я ружье, принадлежащее охотнику, взял»), или заместителем носителя признака («Я принадлежащее охотнику взял») и при этом оставили слово *боатонго* «охотник» в форме, материально совпадающей с основой, или изменили ее в соответствии с формой определяемого или замещаемого слова *миочан* «ружье», то у нас получилось бы совсем не то, что нам нужно, а именно: *Ми дяпахамби миочан — боатонго* «Ружье, которое я взял, — охотник»; *Ми миочамба, боатонгова дяпахамби* «Я ружье и охотника взял»; *Ми боатонгова дяпахамби* «Я охотника взял».

Таким образом, оказывается, что беспадежная форма в составе притяжательного словосочетания и предикативно-притяжательная форма служат для выражения одного и того же содержания — признака предмета по принадлежности, но области их синтаксического применения строго разграничены: беспадежная форма может выражать только прямое определение, но не может выражать сказуемого и обособленного определения и употребляться заместительно, в то время как предикативно-притяжательная форма, наоборот, может выражать сказуемое, обособленное определение и употребляться заместительно, но не может выражать прямого определения. Эти две формы, как мы видим, взаимно дополняют друг друга. Исторически развитие их шло разными путями, но в современном языке они стали рядом, образовав замкнутую парадигму изменения слов предметной семантики.

Интересно сравнить синтаксические функции этих двух форм слов предметной семантики с синтаксическими функциями слов, по своей природе предназначенных для выражения признаков (прилагательных, имен качества, числительных и некоторых других).

Имя прилагательное, например, может выражать прямое определение: *Эй—сикун данса* «Это новая книга», *Ми сикун дансава гачимби* «Я купил новую книгу», может выражать сказуемое: *Эй данса сикун* «Эта книга новая». Эти две функции, особенно — первая из них, для прилагательного являются основными и исходными. Но, кроме этого, прилагательное может выражать обособленное определение, занимая в этом случае место после определяемого и согласуясь с ним в падеже: *Ми дансава, сикумбэ, гачимби* «Я книгу, новую, купил», и может употребляться заместительно, принимая на себя в этом случае синтаксическую роль и падежную форму замещаемого существительного: *Си тэтуэси аэ-дэ гудэкини, эси сикумбэ гаворива гэлэй* «Твоя одежда уже изорвалась, теперь новую [одежду] купить нужно».

Употребление в речи предикативно-притяжательных форм существительных и местоимений имеет много общего с употреблением прилагательных. Их различает то, что прилагательное не только может употребляться, но чаще всего и употребляется в роли прямого определения, а употребление предикативно-притяжательной формы имени существительного и местоимения в роли прямого определения недопустимо.

Употребляясь же в роли сказуемого, обособленного определения и заместительно, и прилагательное, и форма на *-неи* несут на себе в равной мере логический акцент, кото-

¹ Следует иметь в виду, что формы «притяжательные» и «предикативно-притяжательные» — вещи различные.

рого не могут иметь ни прилагательное в роли прямого определения, ни существительное или местоимение беспадежной формы в роли определений по принадлежности. Иными словами, при всяком прямом определении логически акцентируется определяемое, т. е. носитель признака, а при необходимости переноса логического акцента на название признака оно употребляется как сказуемое, обособленное определение или заместительно. Поскольку предикативно-притяжательная форма может употребляться только в последних трех функциях, есть основание думать, что семантико-грамматическим основанием для ее существования в языке как раз и является ее способность выражать логически акцентируемые признаки по принадлежности.

Но между прилагательными и предикативно-притяжательными формами существительных и местоимений имеются весьма существенные различия.

Во-первых, в отличие от прилагательных, у предикативно-притяжательной формы существительного или местоимения сохраняется полностью предметное значение и отсутствует оттенок качественности, который характерен для прилагательных.

Во-вторых, если прилагательное способно без специально приуроченного для этого самостоятельного изменения формы обозначать как выделяемый особым логическим акцентом признак, так и признак логически не акцентируемый (последнее — основная ее функция), то предикативно-притяжательная форма может обозначать только такой признак по принадлежности, на который падает логический акцент.

К числу существенных отличий предикативно-притяжательных форм имен существительных и местоимений от прилагательных относятся также: способность образовываться от форм множественного числа существительных; способность принимать определения, допускаемые только при именах существительных; отсутствие способности выражать прямое определение; наличие обязательного элемента предикативности.

Признаки, по которым предикативно-притяжательные формы отличаются от прилагательных, объединяют их с особыми формами словоизменения существительных, близко стоящими к склонению, в первую очередь с так называемой формой обладания. Сохранение ими чисто предметного значения при выражении признаков вызывает к жизни ряд других перечисленных выше особенностей, которые свидетельствуют о том, что образование предикативно-притяжательных форм не влечет за собой перехода существительного в прилагательное, а личного, возвратного или вопросительного местоимения — в особый разряд притяжательных местоимений. Особенно показательной в этом отношении оказывается установленная выше соотносительность этих форм с беспадежными формами существительных и местоимений, играющими роль первых членов (определений) в составе притяжательных словосочетаний.

Итак, форма на *-ни* в современном нанайском языке является словоизменительной формой существительных и местоимений, парадигматически противопоставленной беспадежной форме тех же частей речи как по синтаксической функции, так и в отношении передачи логического акцента.

Все тунгусо-маньчжурские языки в приемах выражения принадлежности обнаруживают много общего, что с несомненностью свидетельствует об исторической общности этих приемов и служит дополнительным подтверждением исторической общности самих этих языков. Вместе с тем каждый из языков этой группы имеет в интересующей нас области немало своеобразного и даже такого, что на первый взгляд может показаться коренным образом разграничивающим эти языки. Однако уже самый элементарный сравнительный анализ — если под ним понимать установление не одних только фонетических соответствий, но также и соответствий в значениях и употреблении грамматических форм — со всей очевидностью показывает, что приемы выражения принадлежности во всех тунгусо-маньчжурских языках имеют общие корни, уходящие в отдаленные времена материального единства этих языков.

Во всех тунгусо-маньчжурских языках имеются аналогичные нанайским предикативно-притяжательные формы существительных и местоимений¹. Образуются эти формы путем присоединения специального суффикса к основам имен существительных и местоимений предметного значения, которые материально совпадают с беспадежной формой. Возможно также образование их от форм множественного числа существительных. В маньчжурском языке они образуются, как правило, от форм родительного падежа имен существительных и местоимений². Суффиксальный показатель предикативно-притяжательной формы имеет несколько незначительно различающихся фонетических вариантов: *-низ* [ɲiɣe] (маньчжурский язык) ~ *-ни* [ɲi] (нанайский, ульч-

¹ Под вопросом остается лишь солонский язык, в котором исследователями эта форма не была отмечена, и орокский язык, материалами по которому автор не располагает.

² Из всех тунгусо-маньчжурских языков категорией родительного падежа обладают только маньчжурский и солонский.

ский) ~ -нги [-ңи] (эвенкийский, эвенский) ~ -нги [-ңи] || -ңеу [-ңу] (удэйский, ороцкий) ~ -ни [-н'и] (негидальский)¹.

Отмеченная выше для нанайского языка парадигматическая противопоставленность предикативно-притяжательной формы, как формы выражения логически акцентированных признаков, другой форме, выражающей признак, лишенный логического акцента, при том же разграничении синтаксических функций, оказывается в общих чертах характерной и для остальных тунгусо-маньчжурских языков.

Главнейшие различия состоят в следующем:

1. В маньчжурском языке, как и в солонском, прямое определение по принадлежности выражается формой родительного падежа существительных и местоимений. Поэтому предикативно-притяжательная форма в маньчжурском противостоит не беспадежной форме, которой нет, а соответствующей ей по значению форме родительного падежа.

2. Беспадежной формой личных местоимений в нанайском, удэйском и ороцком языках является форма, материально тождественная их именительному падежу (ее часто именуют неизменяемой или несклоняемой основой), в эвенском и ульском — форма, материально совпадающая с основами для косвенных падежей (ее часто именуют изменяемой или склоняемой основой), в негидальском на равных основаниях используются и та, и другая формы. О маньчжурском языке сказано выше, об эвенкийском будет сказано позднее. Беспадежной формой имен существительных и вопросительных местоимений во всех языках, кроме маньчжурского (и солонского), является форма, материально совпадающая с именительным падежом.

3. Предикативно-притяжательная форма образуется от беспадежной формы единственного или множественного числа во всех языках, кроме маньчжурского, где она образуется обычно от формы родительного падежа, но в некоторых случаях — и от основы, совпадающей с формой именительного падежа. Поэтому для личных местоимений в нанайском, удэйском и ороцком языках она образуется от «неизменяемой основы», которую правильнее было бы называть прямой формой, в эвенском и ульском языках — от «изменяемой основы», которую правильнее было бы называть косвенной формой, в негидальском — и от той, и от другой форм. В эвенкийском языке эта форма образуется от косвенной основы личных местоимений, которая в качестве самостоятельного слова не употребляется, но материально соответствует косвенной форме личных местоимений в других языках.

4. В эвенкийском языке, правда, не во всех его говорах, предикативно-притяжательная форма употребляется не только для обозначения акцентированных признаков (в роли сказуемого, инверсированного определения и замещающего слова), но и для выражения прямого определения, причем личные и возвратные местоимения выполняют эту функцию только в предикативно-притяжательной форме, а существительные и вопросительные местоимения могут быть в этой форме, но значительно чаще употребляются для этой цели в беспадежной форме.

5. Во всех языках, обладающих беспадежной формой, последняя в роли прямого определения по принадлежности категорически требует наличия у своего определяемого притяжательных суффиксов, отражающих лицо и число определения. В эвенкийском языке того же требует и предикативно-притяжательная форма, если она употреблена в роли определения, тем более прямого.

6. В маньчжурском языке объем функций предикативно-притяжательной формы шире, чем в остальных языках. Он выходит за пределы способов выражения принадлежности, но об этом — несколько ниже.

Таким образом, если мы отвлечемся от некоторых частных отклонений в отдельных языках, то перед нами представит общая для всех тунгусо-маньчжурских языков система способов выражения принадлежности: разграничение неакцентированных и акцентированных определителей признака по принадлежности; обозначение первых прямыми определениями, а вторых — сказуемыми, обособленными (инверсированными) определениями и замещающими словами; выражение прямых определений беспадежной формой или соответствующей ей формой родительного падежа, а сказуемых, обособленных определений и замещающих слов — предикативно-притяжательной формой; образование второй формы от первой. Иначе говоря, становится ясным, что предикативно-притяжательная форма в современных языках существует прежде всего как специальное морфологическое средство для выражения различными синтаксическими приемами нескольких разновидностей логически акцентированного признака по принадлежности.

Сходная картина наблюдается в тюркских и монгольских языках, что позволяет предполагать наличие общеазиатской основы интересующих нас способов выражения признаков по принадлежности.

В тюркских языках широко употребляются особые формы «субстантивированных», или «самостоятельных», притяжательных местоимений и — менее широко — анало-

¹ Подробная сводка и анализ приемов образования этих форм в тунгусо-маньчжурских языках, а также некоторые сведения о происхождении, значении и употреблении этих форм имеются в упомянутых выше работах А. Ф. Войцовой и Г. Рамштедта.

гичные первым особые формы притяжательных прилагательных. Формы эти в материальном отношении чрезвычайно близки к предикативно-притяжательным формам тунгусо-маньчжурских языков¹. Образуются они от живых или омертвевших форм родительного падежа местоимений и существительных при помощи аффикса *-ки~ -ги*, имеющего ряд фонетических вариантов. По мнению некоторых тюркологов, упомянутый формант *-ки~ -ги* представляет собой аффикс отношения или, по другой терминологии, аффикс относительных прилагательных. При его помощи образованы слова такого типа, как каракалпакские *тийкър-ги* «основной» (*тийкър* «основа») *тыс-кы* «внешний» (*тыс* «внешняя сторона, внешность»), *кыс-кы* «зимний» (*кыс* «зима») ² или шорские *кыкы* «зимний», *часкы* «весенний», *эртеги* «утренний», *кеберги* «принадлежащий ко-ростелю»³.

Подобного рода слова имеются и в монгольских языках, например в бурятском, где они образуются посредством суффикса *-хи* от имен в форме родительного и дательного падежей, а также от наречий места и времени, например: *манайхи* «наш», *абынхи* «отцовский», принадлежащий отцу», *москвагайхи* «московский», принадлежащий Москве», *москвадахи* «московский, находящийся в Москве», *эндэхи* «здешний», *гэртэхи* «находящийся в юрте», *мараашаахи* «завтрашний»⁴.

Возможно, прав был Г. Рамстедт, распространив такую трактовку интересующей нас формы на все алтайские языки⁵. Соглашаясь с ним, мы должны признать, что эта форма возникла на общеалтайской почве как средство словообразования, но в современных тунгусо-маньчжурских языках уже почти окончательно перешла в разряд средств словоизменения, сохраняя пережиточно лишь некоторые связи со словообразованием.

Особого рассмотрения заслуживает положение дела в маньчжурском и эвенкийском языках, поскольку в них имеются существенные отклонения от изображенной выше системы.

В эвенкийском литературном языке, вернее в тех говорах, на которые он ориентируется, предикативно-притяжательная форма употребляется для всех четырех синтаксических способов выражения признака по принадлежности, включая и прямое определение. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в разговорном языке предикативно-притяжательные формы, образованные от имен существительных, в роли прямых определений используются редко. Эту роль чаще всего выполняют существительные в беспадежной форме. Только для местоимений (личных первых двух лиц и возвратных) в этой функции предикативно-притяжательная форма оказывается обязательной. Но и это правило выдерживается далеко не во всех говорах эвенкийского языка. В восточных говорах, на которых говорит значительная часть эвенков, предикативно-притяжательная форма служит лишь для обозначения акцентируемых признаков, а в роли прямого определения употребляются только беспадежные формы как существительных, так и местоимений. Специалисты по эвенкийскому языку (А. Ф. Бойцова, О. А. Константинова и Е. П. Лебедева) обратили на это внимание и сделали совершенно правильный вывод о том, что распространение функций предикативно-притяжательной формы на прямое определение есть вторичное явление. Следовательно, эвенкийский язык лишь несколько отошел в сторону от общей линии развития всей группы родственных языков, причем произошло это отклонение, повидимому, относительно недавно.

В качестве дополнительного свидетельства можно привести сочетания личных местоимений с так называемыми определительно-притяжательными, характерные не только для восточных, но и для западных говоров: *би мэни* «я сам», *си мэни* «ты сам», *нунган мэни* «он сам» и т. д. (ср. в восточных говорах: *би сенни* «мое ухо», *си сенни* «твое ухо», *нунган сенни* «его ухо» и т. д.). Если сопоставить эти сочетания с соответствующими им маньчжурскими: *мини бэе* «я сам» (буквально: «моя персона»), *сини бэе* «ты сам (твоя персона)», *ини бэе* «он сам (его персона)» и т. д., то можно предположить, что приведенные выше эвенкийские сочетания слов означают в дословном переводе «моя самость», «твоя самость», «его самость» и т. д., то есть что эти словосочетания

¹ См., например: Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 55, 108—110; Н. Н. Дыренкова, Грамматика шорского языка, М.—Л., 1941, стр. 74—75, 85—86; Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, П., ч. I, М., 1952, стр. 196—197, 263—265; А. Н. Конионов, Грамматика турецкого языка, М.—Л., 1941, стр. 55—56; его же, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, стр. 42, 130—131; Л. Н. Хариitonov, Современный якутский язык, ч. I — Фонетика и морфология, Якутск, 1947, стр. 124—125, 165.

² См. Н. А. Баскаков, указ. соч., стр. 196.

³ См. Н. Н. Дыренкова, указ. соч., стр. 73.

⁴ См.: А. Д. Руднев, Хори-бурятский говор, вып. 1, Пг., 1913—1914, стр. CX; Г. Д. Сажеев, Грамматика бурят-монгольского языка, М.—Л., 1941, стр. 37; его же, К проблеме частей речи в алтайских языках, ВЯ, 1952, № 6, стр. 88; его же, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1953, стр. 126.

⁵ Г. J. Ramstedt, указ. соч., стр. 26—27, 234—253.

являются по своему происхождению притяжательными. Определительная часть в них выражена личными, а не притяжательными местоимениями, что соответствует уже утраченным западным говорам нормам.

Следовательно, и для эвенкийского языка первичным можно считать противопоставление предикативно-притяжательной формы, как средства выражения акцентуированного признака по принадлежности, беспадежной форме, как выразителю признака по принадлежности, лишённого логического акцента. Больше того, современный эвенкийский язык свидетельствует, что вначале беспадежная форма не только существительных, но и местоимений совпадала с формой именительного падежа и лишь впоследствии приобрела для личных местоимений форму, совпадающую с основой для косвенных падежей. Последнее обстоятельство находит подтверждение также и в эвенском языке, ряд говоров которого (говоры западного диалекта иохотский говор восточного диалекта) продолжает использовать для выражения прямого определения личные местоимения в форме именительного падежа (точнее, в беспадежной форме, материально тождественной форме именительного падежа).

В маньчжурском языке беспадежной форме остальных родственных ему языков полностью соответствует по значению и употреблению форма родительного падежа, которая, как уже было отмечено ранее¹, повидимому, выросла на базе беспадежной формы в составе притяжательного словосочетания.

Возникает вполне естественный вопрос: каким путем шло развитие предикативно-притяжательной формы уже после того, как она сложилась на общеалтайской почве? Некоторый свет на этот вопрос может пролить маньчжурский язык, который вместе с тем ставит под некоторое сомнение традиционную точку зрения об адъективной природе интересующей нас формы, позволяя видеть в ней скорее субстантивное начало.

Как отмечается в работах по маньчжурскому языку, формант *-нгэ* или *-нингэ* (последнее — сочетание суффикса родительного падежа *-ни* с интересующим нас суффиксом *-нгэ*) употребляется в следующих случаях:

1. При предикативном и заместительном употреблении слов, обозначающих принадлежность, например: *Эрэ боо минингэ* «Этот дом — мой»; *Тэрэ сэчжэнь нялмайнгэ* «Та повозка — человеческая (т. е. чужая)»; *Эчжэнь нингэ бэ умэчжафара* «Царское (то, что принадлежит царю) не беру». Этот случай, как мы видим, полностью соответствует тому, что имеется в нанайском и других родственных языках. Ниже будут перечислены случаи, специфические для маньчжурского языка.

2. При заместительном употреблении порядковых числительных, указательных местоимений и причастий, например: *Суньчжачингэ дэ гойка* «В пятое (на экзамене) попал»; *Эсэингэ бэ би сараку* «Этих я не знаю»; *Чжидэрэнгэ айнага нялма* «Пришедший что за человек?»

3. Для выражения наивысшей степени качества при прямом (не заместительном) употреблении качественных прилагательных, например: *тоньдонгэ нялма* «самый верный, преданнейший человек», *амтангангэ чжака* «самая вкусная, наивкуснейшая вещь».

4. Для подчеркивания субстантивного значения и субъектной или (реже) предикативной роли причастий, например: *Сайса бэ хуэкебурэнгэ сайнь байта*, буквально: «Лучших поощрение (то, что поощряют) хорошее дело»; *Форогшоронгэ умэси худун*, буквально: «Перевод (на другую должность) очень быстр»; *Тачирэ урсэй битэи хуларангэ умай хафань оки сэрингэ сака* «То, что ученики читают книги, вовсе не значит, что они намерены стать чиновниками», буквально: «Учащимися людьми книг чтение вовсе чиновником стать намерение не есть».

Есть еще один грамматический случай, когда возможно употребление суффикса *-нгэ*. Это образование прилагательных качественного или относительного значения от имен существительных, например: *алднэгэ* «светлый» (*алднэ* «свет»), *ардэмунгэ* «добродетельный» (*ардэмэ* «добродетель»), *кумунгэ* «веселый» (*кумунь* «музыка»). Но это — лишь омоним интересующего нас суффикса. Об этом свидетельствует не только существенное различие в их значениях, но также и то, что при образовании отыменных прилагательных суффикс *-нгэ* может быть только при основах с гласными *э, у*. При основах же с гласным *а* употребляется суффикс *-нга* (*госинга* «милостивый», *моринга* «конный»), а при основах с гласным *о* — суффикс *-нео* (*бочонго* «цветной», *хоронго* «могущественный»). Следовательно, *-нгэ* в этом случае есть лишь один из трех фонетических вариантов суффикса отыменных прилагательных *-нга*¹ *-негэ*² *-нео*. Интересующий же нас суффикс никаких фонетических вариантов не имеет.

¹ См. В. И. Цинциус, Л. Д. Ригишес, Краткий очерк грамматики эвенского (ламутского) языка, в кн.: В. И. Цинциус и Л. Д. Ригишес, Русско-эвенский словарь, М., 1952, стр. 728.

² См. О. П. Суник, О possessивных аффиксах и родительном падеже в тунгусо-маньчжурских языках, сб. «Язык и мышление», XI, М.—Л., 1948, стр. 285—287, 290—291.

Нетрудно заметить, что маньчжурский суффикс *-нэ* может участвовать в обозначении принадлежности, но далеко не ограничивает этим свои функции; он может оформлять и чаще оформляет слова со значением признака в предикативном и заместительном употреблении, но вместе с тем употребляется и в словах, играющих роли подлежащих и прямых определений.

Имеется ли какой-либо общий семантический фундамент под столь различными случаями применения суффикса *-нэ*? Мне кажется, что таким общим фундаментом можно считать выражение логического акцента, стремление усилить и подчеркнуть значимость слова как в семантическом, так и в функциональном отношениях.

Не исключена возможность, что маньчжурский язык сохранил в наиболее полном виде следы первоначального значения и употребления предикативно-притяжательной формы, которая возникла как специальное средство выражения особого логического акцента, как средство подчеркивания известной самостоятельности в данном предложении тех слов, которые от природы такой самостоятельностью не обладают. В процессе дальнейшего развития другие родственные языки, видимо, сузили и специализировали значение и употребление этой формы.

В. А. Аврорин